

СУЩЕСТВЕННЫЙ ВРЕД В СОСТАВАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ

Владимир ЛОСЕВ,
заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного
университета, кандидат
юридических наук, доцент

Применение норм главы 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) "Преступления против интересов службы", содержащих понятия, относимые к оценочным признакам, остается по-прежнему одним из проблемных вопросов, в том числе при определении общественно опасных последствий. Правильное установление содержания существенного вреда как последствия злоупотребления властью или служебными полномочиями (ч. 2 ст. 424 УК), бездействия должностного лица (ч. 2 ст. 425 УК) и превышения власти или служебных полномочий (ч. 1 ст. 426 УК) положительно отразится на разграничении преступлений, отграничении преступлений против интересов службы от иных правонарушений — административных и дисциплинарных, на индивидуализации наказания, решении вопросов освобождения от уголовной ответственности.

Понятие "существенный вред" относится к оценочным признакам состава преступления, вследствие чего правильное определение его содержания представляет значительную сложность. Четких критериев разграничения существенного и несущественного вреда, т.е. преступного и не преступного поведения должностного лица, нет. Это расширяет рамки усмотрения правоприменителя, что может при-

вести (а нередко и приводит) на практике к неоправданному расширению уголовной репрессии, увеличивает вероятность квалификационных ошибок, выражающихся в признании преступлениями тех деяний, которые не могут признаваться таковыми в силу недостаточной общественной опасности.

Поскольку в законе не содержится конкретно определенных критериев существенности вреда, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь закрепил сложившуюся еще в советское время судебную практику в п. 19 постановления от 16 декабря 2004 года № 12 "О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424—428 УК)" [1], предусматривающем, что при решении вопроса о том, является ли вред, причиненный правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам, существенным (ч. 2 ст. 424 УК, ч. 2 ст. 425 УК, ч. 1 ст. 426 УК), судам нужно учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного физического или морального вреда и другие обстоятельства. Существенный вред может выражаться в нарушении конституционных прав и свобод граждан, подрыве авторитета органов власти, государственных, общественных и иных организаций, нарушении общественного порядка.

Как видно, названное постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь ясности для практиков не внесло: содержание оценочного признака "существенный вред" раскрывается через такие же оценочные (неопределенные) признаки и не способствует однозначному пониманию соответствующих норм уголовного закона. Поэтому к проблеме определения содержания существенного вреда все чаще обращаются как теоретики, так и практики [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Следовательно, дискуссии об этом общественно опасном последствии будут, очевидно, продолжаться.

Следует признать обоснованными высказываемые в литературе предложения о том, что при формулировании понятия "существенный вред" предпочтителен путь формирования примерного (ориентирующего) перечня обстоятельств, которые могут быть признаны суще-

ственным вредом как криминообразующим признаком преступлений против интересов службы, предусмотренных ст.ст. 424—426 УК (примерный перечень).

Для его формирования можно предложить следующие правила и ограничения, призванные не допустить необоснованного включения в примерный перечень обстоятельств, которые либо вовсе не могут признаваться общественно опасными последствиями, либо не являются существенным вредом.

1. Формальной логикой выработаны правила формулирования понятий, в том числе “правило компетентности”: в дефиницию понятия можно включать только ранее определенные понятия — нельзя толковать неизвестное (неопределенное) через неизвестное. Тем самым нежелательно раскрывать содержание оценочного признака, используя нечетко определенные оценочные понятия. Вместе с тем, поскольку избежать этого невозможно, применять их надо взвешенно, не размывая еще больше границ определяемого понятия “существенный вред”. Включаемое в примерный перечень обстоятельств не должно быть излишне широким.

Поэтому едва ли явится оправданным такое предложение: “в условиях дефицита бюджета и принимаемых государством мер по привлечению инвестиций в белорусскую экономику под существенным вредом государственным интересам можно понимать следующие аспекты: подрыв имиджа Республики Беларусь как инвестиционно привлекательного государства; срыв выполнения государственных программ в той или иной отрасли экономики; замедление реформирования конкретной отрасли белорусской экономики; использование средств государственной поддержки с нарушением установленного порядка; ухудшение экономического положения государственного предприятия; вред системе налогового администрирования; вред бюджетной системе Республики Беларусь применительно к преступлениям против интересов службы в таможенных органах “причинение вреда мерам экономической политики государства” [5].

Отметим, что наряду с явной неопределенностью содержания указанные аспекты, скорее, могут быть признаны тяжкими последствиями для государства (частей 3 ст.ст. 424—426 УК), чем существенным вредом.

2. В тексте уголовного закона (ч. 2 ст. 424, ч. 2 ст. 425, ч. 1 ст. 426 УК) при перечислении альтернативных криминообразующих последствий умышленных преступлений против интересов службы говорится о причинении суще-

ственного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам. О причинении нематериального существенного вреда другим интересам, в частности интересам юридических лиц частной формы собственности, интересам иностранных юридических лиц, интересам совместных предприятий, как коммерческих, так и некоммерческих, речь в упомянутых статьях УК не идет.

Тем самым Пленум Верховного Суда Республики Беларусь, предлагая судам в п. 19 постановления от 16 декабря 2004 года № 12 признавать существенным вредом не только подрыв авторитета органов власти, государственных, общественных организаций, но и подрыв авторитета других организаций, несколько вышел за пределы своей компетенции. Подобное расширительное толкование противоречит принципу законности (ч. 2 ст. 3 УК) и, по сути, является криминализацией должностных нарушений, повлекших существенный вред интересам организаций, не относящихся к государственным или общественным, в виде подрыва их авторитета.

Криминализация деяний — прерогатива законодательной, а не судебной власти. Если такое последствие, по мнению законодателя, общественно опасно, необходимо изменить содержание закона, а именно диспозиции ч. 2 ст. 424, ч. 2 ст. 425 и ч. 1 ст. 426 УК. Пока же подрыв авторитета названных “других” организаций формально не может быть признан существенным вредом в смысле ст.ст. 424—426 УК.

3. Явно неопределенным (оценочным) оказывается само содержание понятия “подрыв авторитета органов власти, государственных, общественных и других организаций”, что в соответствии с приведенным разъяснением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь считается проявлением существенного вреда в составах умышленных преступлений против интересов службы.

Действительно, в судебной практике подрыв авторитета традиционно относят к существенному вреду в составах преступлений против интересов службы. При отсутствии иных вредных последствий достаточно указать в приговоре на подрыв авторитета в результате должностного правонарушения, чтобы осудить должностное лицо за преступление против интересов службы. Однако подобный подход вызывает обоснованные возражения со стороны не только современных белорусских ученых, но и практиков. В.М. Хомич полагает, что “хотя понятие «существенный вред» правам и законным ин-

тересам граждан либо государственным или общественным интересам носит оценочный характер, но по своему содержанию оценка причиненного вреда в качестве существенного должна основываться и подтверждаться объективными обстоятельствами (последствиями совершенного деяния), а не нарушением принципов деятельности органов местного управления и самоуправления" [8, с. 246—247].

Поддерживаем также мнение В.В. Хилюты о том, что "посягательство на нормальное функционирование органов государственной власти, подрыв авторитета государства и его органов при злоупотреблении властью или служебными полномочиями всегда должны быть сопряжены с нарушением прав субъектов общественных отношений. Сам по себе аппарат управления в качестве объекта уголовно-правовой охраны выступать не может, поэтому оценка причиненного вреда по своему содержанию должна основываться и подтверждаться объективными показателями (последствиями совершенного деяния), а не нарушением принципов деятельности тех или иных органов" [7].

В свою очередь, Г.В. Гончарова аргументированно утверждает, что "исходя из проблем, возникающих на практике, и концепции единства задач власти и службы с правоохраняемыми интересами личности и общества, следует разъяснить в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, что подрыв авторитета органов власти не является существенным вредом и не свидетельствует о наличии состава должностного преступления" [6].

4. Общественно опасное последствие — признак объективной стороны преступления. Тяжесть оценочных последствий — "существенного вреда" и "тяжких последствий", зависит исключительно от характера и степени вредных изменений в объекте, т.е. охраняемом уголовным законом общественном отношении. Тем самым она становится объективной категорией, на определение которой никак не могут (и не должны) влиять содержание субъективной стороны поведения конкретного человека, его умысел или неосторожность, а также способ действия (злоупотребление властью или служебными полномочиями, либо их превышение, либо бездействие должностного лица) и признаки субъекта преступления (должностное лицо (ч. 4 ст. 4 УК) или должностное лицо, занимающее ответственное положение (ч. 5 ст. 4 УК)).

5. В примерный перечень последствий, образующих существенный вред, следует включать лишь общественно опасные послед-

ствия. При всей очевидности этого тезиса необходимо пояснение.

Создание опасности как возможность наступления вреда, являющееся само по себе действием, не может быть признано последствием — как материальным, так и нематериальным. Н.А. Бабий, обоснованно относя составы создания опасности к формальным, отмечает, что "опасность и последствие исключают друг друга, существование одного из этих явлений означает отсутствие другого явления. Констатация наличия опасности — это констатация отсутствия последствий" [9, с. 132]. Поэтому не может быть признано общественно опасным последствием действие, предлагаемое в литературе для включения в примерный перечень проявлений существенного вреда от злоупотребления сотрудником таможни служебными полномочиями, создающее опасность — "вовлечение в торговый оборот несертифицированных товаров, товаров, не отвечающих требованиям безопасности" [5].

6. В уголовном законе определено, что существенным вредом в составах преступлений против интересов службы признается совершение должностным лицом с использованием своих служебных полномочий преступления, не названного в главе 35 УК (ч. 1 примечаний к главе 35 УК). Главным акцент здесь сделан на термине "преступление".

Вместе с тем в литературе предлагается считать существенным вредом "грубое нарушение норм нетарифного регулирования" [5] (что будет, скорее, действием, а не последствием), а также если "посредством злоупотребления... были сокрыты... административные правонарушения" [4]. Однако существует и противоположная позиция, к примеру, В.В. Хилюты, который обоснованно отмечает, что "не следует вред признавать существенным и видеть его признаки при любом нарушении правовых предписаний" [7].

Как представляется, не могут признаваться в качестве существенного вреда, причиняемого злоупотреблением властью или служебными полномочиями и бездействием должностного лица, такие последствия, как совершение административных или дисциплинарных проступков иными лицами (как подчиненными, так и посторонними гражданами), создание условий для совершения таких проступков, их сокрытие, непринятие мер к привлечению виновного к административной или дисциплинарной ответственности. Равно не будет существенным вредом совершение должностным лицом с использованием своих служебных полномочий административного или дисциплинарного

правонарушения. При отсутствии других общественно опасных последствий данное противоправное поведение должностного лица не является преступлением.

7. Принимая во внимание изложенное выше законодательное положение (ч. 1 примечаний к главе 35 УК), нельзя признавать существенным вредом, причиненным злоупотреблением должностным лицом служебными полномочиями, совершение этим же лицом другого преступления против интересов службы — получение взятки.

Получение взятки должностным лицом за совершенное им злоупотребление служебными полномочиями квалифицируется как самостоятельное преступление и не может быть само по себе существенным вредом (в том числе и в виде подрыва авторитета), причиненным совершением другого преступления — злоупотребления служебными полномочиями. Нельзя отрицать и то, что получение взятки подрывает авторитет, но, во-первых, подрывает авторитет конкретного должностного лица, ее получившего, а не всей организации, где оно работает, и, во-вторых, получение взятки не может быть криминообразующим последствием злоупотребления служебными полномочиями.

8. Не имеет смысла признавать существенным вредом (что подразумевает его немущественный, в отличие от ущерба в крупном размере, характер) тот вред, который по сути является имущественным. Если ущерб может быть четко определен в рублевом исчислении и соотнесен с размером базовой величины на день его причинения, оценка существенности вреда здесь не нужна. Формализованный критерий криминообразующего признака “ущерб в крупном размере” законодательно определен в ч. 2 примечаний к главе 35 УК. Именно имущественным ущербом, а не, как предлагается, существенным вредом следует считать “вред от злоупотребления сотрудником таможни, который оформил товар в режиме освобождения его собственника от уплаты таможенных платежей в крупном размере” [5]. Это — прямой ущерб бюджету государства в размере неуплаченных таможенных платежей [10].

Более того, согласно примечанию к ст. 231 УК уклонением от уплаты таможенных платежей в крупном размере признается уклонение, при котором сумма неуплаченных таможенных платежей превышает в две тысячи раз размер базовой величины, установленный на день совершения преступления. Но даже меньшая сумма имущественного ущерба, равная одной

тысяче базовых величин, применительно к умышленным преступлениям против интересов службы (ст.ст. 424—426 УК) является ущербом в особо крупном размере (ч. 2 примечаний к главе 35 УК) и соответственно, как разъясняется в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 года № 12 “О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424—428 УК)”, тяжким последствием, но никак не существенным вредом этих преступлений.

9. В самом уголовном законе заложен ориентир: существенным вредом в ст.ст. 424—426 УК может быть признан и тем самым включен в примерный перечень вред, соотносимый по своей общественной опасности с имущественным ущербом в крупном размере (сумма, в 250 и более раз превышающая базовую величину), поскольку эти понятия перечисляются в одном ряду последствий в ч. 2 ст. 424, ч. 2 ст. 425 и ч. 1 ст. 426 УК. Тем самым видится не совсем оправданным высказанное предложение “о закреплении на законодательном уровне размера количественной характеристики существенного вреда, который выражается в рублевом исчислении” и дополнении примечания к главе 35 УК указанием на то, что “существенный вред охраняемым уголовным законом интересам не может составлять менее 100 базовых величин, правам и законным интересам граждан с учетом их имущественного положения — менее 30 базовых величин” [5].

Разработку примерного (ориентирующего) перечня обстоятельств, которые могут быть признаны существенным вредом как криминообразующим признаком преступлений против интересов службы, предусмотренных ст.ст. 424—426 УК, а также критериев существенности вреда следует продолжать. Соблюдение рассматриваемых правил квалификации позволит уменьшить количество ошибок при применении уголовного закона.

Вместе с тем проблема составления примерного перечня требует комплексного подхода. Поскольку проявления общественно опасных последствий преступлений против интересов службы могут быть самыми различными, потребуется привлечение специалистов из иных отраслей знаний — экономистов, политологов и т.д. Сформированный с учетом обозначенных выше правил и ограничений примерный перечень с различной степенью обобщения может быть закреплён в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, а также приведен в научной литературе для использования в практике правоприменения.

Список цитированных источников

1. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424—428 УК): постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 16 дек. 2004 г., № 12: в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 02.06.2011 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
2. Марчук, В.В. Терминология уголовного закона и квалификация преступлений / В.В. Марчук // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 18 / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2007. — С. 224—238.
3. Ключко, Р. Оценочные признаки состава бездействия должностного лица в контексте определения пределов уголовно-правового регулирования / Р. Ключко // Юстиция Беларуси. — 2011. — № 11. — С. 16—19.
4. Трипузова, А. Судебная практика по делам о преступлениях против интересов службы нуждается в совершенствовании / А. Трипузова // Законность и правопорядок. — 2011. — № 1 (17). — С. 22—27.
5. Гончарова, Г. К вопросу о значении понятия существенного вреда по делам о преступлениях против интересов службы / Г. Гончарова // Законность и правопорядок. — 2011. — № 3 (19). — С. 30—34.
6. Гончарова, Г. Причинение существенного вреда должностными лицами: проблемы теории и практики (по состоянию на 27.10.2011) / Г. Гончарова // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
7. Хилота, В. Существенный вред в теории и практике должностного злоупотребления (по состоянию на 22.08.2011) / В. Хилота // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
8. Коррупционная преступность: криминологическая характеристика и научно-практический комментарий к законодательству о борьбе с коррупцией / В.В. Асанова [и др.]: под общ. ред. В.М. Хомича. — Минск: Тесей, 2008. — 504 с.
9. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учебник / Н.А. Бабий. — Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. — 663 с.
10. Лосев, В. Некоторые вопросы квалификации должностных преступлений, совершаемых на границе / В. Лосев // Законность и правопорядок. — 2010. — № 2 (14). — С. 36—40.

Статья посвящена актуальной для правоприменительной практики проблеме определения существенно-го вреда как криминообразующего (квалификационного) последствия умышленных преступлений против интересов службы (ст.ст. 424—426 УК). При определении содержания понятия "существенный вред" представляется оптимальным формирование примерного (ориентирующего) перечня обстоятельств, которые могут быть признаны существенным вредом. В статье предлагаются правила и ограничения, призванные не допустить необоснованного включения в этот примерный перечень обстоятельств, которые либо вовсе не могут признаваться общественно опасными последствиями, либо не являются существенным вредом.

The article is devoted to the issue, topical for law enforcement practice: the problem of definition of major damage as a crime-building (qualifying) consequence of deliberate crimes against interests of service (Articles 424-426 of the Penal Code). Forming of an approximate (guiding) list of circumstances which can be recognized as major damage is considered optimal when defining the content of the concept "major damage". The article offers the rules and restrictions aimed at barring unfounded inclusion into this approximate list of circumstances which either cannot be recognized as socially dangerous circumstances or do not present major damage.

Научный рецензент статьи: кандидат юридических наук, профессор А.В. Барков

Дата поступления статьи в редакцию: 10.06.2013

Рецензии

"Уголовно-правовая охрана культурных ценностей в Республике Беларусь": монография / Д.В. Шилин. — Минск: Пересвет, 2013. — 136 с.

Монографическое исследование Д.В. Шилина посвящено актуальной и социально значимой проблеме охраны культурных ценностей нормами уголовного закона. Как известно, культурные ценности — фундамент всякой культуры, причинение ей вреда угрожает национальной идентичности, что в эпоху глобальной конкуренции просто губительно.

Объекты культурного наследия становятся предметом гражданско-правовых споров, архитектурно-реставрационных работ, меж-

дународного культурного обмена. Следовательно, увеличивается риск утраты культурных ценностей, их неосторожного (а иногда и умышленного) уничтожения либо повреждения.

В настоящее время в условиях активного вовлечения недвижимых материальных культурных ценностей в хозяйственно-экономический оборот, увеличения рыночной стоимости движимых объектов культурного достояния в Беларуси и других странах мира большое зна-

